

Частный детектив
Татьяна Волкова

МАРИНА СЕРОВА

Живем
ТОЛЬКО раз

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Живем только раз

«Научная книга»

Серова М. С.

Живем только раз / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

«Меня нанял покойник», – такой вывод сделала частный детектив Татьяна Иванова, прочитав письмо, подброшенное под дверь. Действительно, предприниматель Эрнст Губер был уже мертв, когда его адвокат сообщил ей некоторые дополнительные детали будущего дела и условия получения гонорара. Первые шаги расследования привели Татьяну к странному выводу: орудием убийства стало обычное рабочее кресло, заряженное смертельной дозой радиации. Итак, кресло – исполнитель убийства. Кто же заказчик?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Марина Серова

Живем только раз

Пролог

Черта с два я взялась бы за это дело, дорогой читатель, не будь у него предыстории. Сначала я бы изучила все имеющиеся материалы по делу Губера и скорее всего тихо-мирно бы отказалась.

Но мы полагаем, а бог располагает. Жизнь штука сложная. Порой так повернет, что не оставляет нам никакого выбора. А случилось вот что.

Завершив очередное дело и получив за него деньги, я решила обновить свои средства производства – приобрести спецаппаратуру. Не скажу, конечно, что она у меня вся разом вышла из строя, нет. Но я всегда стараюсь не пропустить ни одной новинки. Для моей работы это очень важно.

Так вот. Подбила я бабки, сняла со счета все имеющиеся средства и отправилась в столицу делать запланированные покупки.

Дома я вообще оставила только сотню, надеясь, что не все потрачу и кое-что привезу обратно – на хлеб, на молоко. Не очень предусмотрительно, надо сказать. Но задним числом все мы шибко умные.

...Поездка оказалась удачной. Я приобрела все, что хотела, и вдобавок даже кое-что для обновления гардероба. Две тысячи долларов у меня еще осталось на прожитье до очередного заработка.

Объявили посадку на скорый до Тарасова, и я влилась в толпу отъезжавших.

Спешившие, галдевшие, суетившиеся на подступах к вагону пассажиры меня раздражали. Так и подмывало принять кардинальные меры, правда, я не могла решить – какие.

Раньше у меня была одна подруга, Нина. Мы с ней учились вместе. Так вот, когда мы с ней возвращались с занятий в переполненном автобусе и нас толкали и сжимали со всех сторон, она всегда кровожадно тараторила:

– Бомбочку бы сейчас. Маленькую совсем. Малюсенькую этакую, хорошенькую, нейтронную. Да, Тань?

Я кивала, и мы с ней хохотали. Сто лет прошло с тех пор! Но когда попадаю в аналогичную ситуацию, я всегда ее вспоминаю. Вот и сейчас вспомнила, болтаясь в этой галдящей толпе с баулами и сумками и прочим объемистым скарбом.

Можно было, конечно, переждать это столпотворение в сторонке, но солнце нещадно палило, ноги гудели. Очень хотелось скорее добраться до места и, облачившись в легкие короткие шорты и футболку, вытянуться на постели.

– Билеты при посадке предъявляем, пожалуйста, граждане пассажиры.

Полная проводница в очках, распаренная, как репа, не спеша проверяла билеты.

Я, доставая свой, уронила на асфальт кошелек. Из него вывалились несколько купюр. Остальные, сложившись веером, выглядывали из кошелька. Мне кинулись помогать подбирать деньги сразу несколько человек. И среди них один кавказец. У него было огромное количество сумок и кошельков – для такой горы ему потребуется целое купе, усмехнулась я.

– Держи, дэвушка, – протянул он мне мои кровные, чуть не затоптанные пассажирами.

– Жорик, подавай сумки, – поторопила его жена, уже поднявшаяся в тамбур. Супруга Жорика, похоже, была русской.

Наконец-то суета улеглась. Все баулы и кошельки нашли свое место под солнцем. Поезд тронулся.

В купе, где я ехала, собралась приличная публика, в меру общительная. И был еще один, на мой взгляд, большой плюс – в купе не было детей. Вместе со мной ехали молодая супружеская пара и гражданин приятной наружности, лет двадцати с небольшим.

Разместив вещи в ящике под постелью, я уютно расположилась на нижней полке с журнальчиком в руках.

Мы обменялись мнениями по поводу погоды, инфляции, политики и прочей дребедени. Когда темы были исчерпаны, я, прикрыв лицо журналом, задремала.

Тут вошла в купе проводница и стала забирать у пассажиров билеты. Я достала сумочку, отдала свой. Она пометила где-то у себя, что еду до Тарасова.

Потом принесли чай. Мне вновь пришлось поднимать этот чертов топчан и доставать сумочку. Мне это дело как-то поднадоело, и я сунула ее под подушку.

Чаепитие прошло тоже за милой беседой. За окном уже было темно. Колеса, постукивая, отмеривали километр за километром.

И тут вдруг объявился тот самый Жорик, который помогал мне собирать купюры на перроне.

– Салют! Скучаем? – Он весело улыбался. В руках у сына знойного юга были две бутылки коньяку.

Мы поприветствовали его кивком, продолжая мирный разговор.

– Погреться нэ пустите?

Меня не слишком вдохновляло присутствие лишнего человека, и я съязвила:

– А что, у вас купе-рефрижератор?

Его мое замечание нисколько не смутило:

– Нэт. Жена моя дрыхнэт. Сосэдки – бабки, божьи одуванчики. А мнэ за коньячком пообщаться хотэлось бы. Ищу людей хороших для компании.

Мужики в нашем купе сразу засуетились. Им эта мысль очень понравилась. Выпить на халяву только дурак, по их глубокому убеждению, откажется.

Особенно повеселел юный товарищ с верхней полки.

– Заходи-заходи, браток.

На столе мигом организовалась закуска, очень «подходящая» для коньяка: курица-гриль, яйца вареные и зеленый лук.

Вера, молодая супружница Николаши, как она его величала, извлекла из пакета несколько карамелек. Она, как и я, не слишком одобряла затевающийся пир.

Но, в конечном счете, мы с ней, махнув рукой, сдались. Ночь длинная – времени выспаться хватит.

И мы присоединились. Гена, юный джентльмен, чье место находилось над моим, оказался балагуром. Язык у него развязался после первой же выпитой рюмки, вернее, пластикового стаканчика, приспособленного для этих целей, и теперь анекдоты сыпались из него, как из дырявого мешка.

Мы все дружно хохотали. После третьей порции спиртного я достала из сумочки кости. Магические косточки всегда со мной. Я без них как без рук. Они всегда наставляют меня на путь истинный, помогают в трудной ситуации. И, хотя ничто пока мне трудностей не обещало, все равно мне хотелось с ними побеседовать.

Интересно было, привалит ли какое-нибудь доходное дельце, которое поправит мое финансовое положение. Почему побеседовать с косточками мне захотелось именно сейчас – сама не знаю. Захотелось – и все.

Задав свой вопрос мысленно, я бросила кости на постель. Выпала комбинация 17+5+30. И надо сказать, меня она мало обрадовала. Косточки предупреждали: «Если вы отправились в дальний путь, остерегайтесь разорения».

– Кошмар, – вырвалось у меня.

– Что кошмар? – поинтересовалась Вера, молча наблюдавшая за моими манипуляциями. Мужиков мои манипуляции не интересовали. Они перешли к обсуждению качеств кегового и бутылочного пива. Тема была столь увлекательной, что они ничего не видели и не слышали.

– Похоже, косточки халтурят. Не могли предупредить заранее. А теперь вот разорением пугают. – И я поведала спутникам о предсказаниях костей.

Вера принялась выспрашивать о назначении моих магических двенадцатигранников. Я вкратце изложила ей суть гаданья.

– Ой, Тань, а мне не погадаешь?

– Да ботва все это, – вмешался Жорик.

А я-то думала, что он не обращал на нас никакого внимания. Его высказывание меня немного обидело, и я убрала косточки в сумочку.

– Как-нибудь в другой раз, Верочка. Ты уж извини. Я не люблю, когда не верят моим магическим друзьям и помощникам.

Женщина обиженно пожала плечами:

– Ладно, чего уж там. Ты, главное, сама-то не больно огорчайся. Это ведь просто ерунда.

Жорик поставил жирную точку в обсуждении «пивной проблемы». Ему не терпелось выпить за все хорошее. Этот довольно избитый тост тем не менее понравился обществу. Мы выпили за все хорошее. По сути, вообще тосты уже были не нужны. Через некоторое время выпито было уже достаточно, я решила, что пора в постель.

– Давайте-ка спать, ребята, – предложила я.

Вера меня поддержала. А мужики были категорически против. Коньяк кончился, а желание выпить еще не пропало. Наоборот, усилилось.

Гена принес из вагона-ресторана бутылку водки. Было далеко за полночь, но мужское население вовсе не собиралось занимать свои койки.

– Девочки, а может, вы оккупируете второй этажик? – робко поинтересовался Николаша. Я наотрез отказалась, послав их к черту.

– Тогда, может, Танечка, вы ляжете головой к двери, а я на краешке полки у ваших ног присяду, а? – попросил меня Гена.

– Ладно, черти полосатые, алкаши несчастные, – милостиво согласилась я.

А Вера, поддавшись на уговоры, разместились-таки на верхней полке. Но это ее личные трудности.

Последнее, что я слышала, был анекдот, который рассказывал Гена:

– Прикинь, мужики. Летят, значит, в самолете русский, грузин, армянин и еврей. Самолет загорелся, прыгать надо. А им на четверых три парашюта досталось. Ну, так вот, че я говорю: армянин взял парашют, прыгнул; грузин взял парашют, прыгнул. Русский заплакал. Тогда еврей его и спрашивает:

– Ты чего это плачешь?

А тот:

– Ты – еврей, значит, обманешь меня.

– Не беспокойся об этом, я уже обманул.

– Кого?

– Армянина. Я ему вместо парашюта свой рюкзак прицепил.

Мужики захохотали. А я разозлилась на них:

– Будете вопить – вылетите на фиг, бродяги! Идите вон в ресторан и квасьте сколько влезет.

Собутыльники вняли моей просьбе и удалились. И я наконец-то заснула, так и оставшись лежать головой к двери.

Проснулась я оттого, что кто-то щекотал мне нос. Я открыла глаза, Гена убрал руку, и они с Николашей захохотали.

– Вставай, тебя ограбили! – радостно сообщил Николаша.

Я потянулась.

– Что, уже Тарасов?

– Пока нет. Но ты давай просыпайся. Тебя ограбили, – продолжал гнуть свое вдрызг пьяный Николаша. – Сумочка где у тебя? Укра-али. Нету сумочки. – Гена, улыбаясь, смотрел на меня. Он тоже едва держался на ногах.

– Чего пристали? Сейчас оба в нос получите, бродяги, – спросонья я бываю порой очень резкой.

Я отвернулась к стене и снова закрыла глаза.

Как назойливые мухи! Прилипчивые парни. Тщетно пыталась я от них отделаться. Не тут-то было.

– Да ты проверь. Сумочки-то нетути! – не унимался Гена.

Я сунула руку под подушку – и обалдела! Сумки действительно не было...

– Где сумка? Я тебе сейчас физиономию попорчу, получше соображать будешь, – разозлилась я. Но они оба пьяно ржали, видя, как я закипала.

– Ребята, хватит прикалываться! Пошутили, и хватит. Верните сумку. У меня там важные документы.

Николаша, продолжая пьяно хихикать, смилостивился:

– Ладно. Иди. Жорка ее в тамбуре спрятал, в мусорном ящике.

Не говоря больше ни слова, я выскочила из купе и торпедой понеслась в тамбур.

Сумка действительно лежала в мусорном ящике. И документы были, слава богу, на месте.

А вот кошелек с двумя тысячами долларов – как не бывало! Я снова ринулась в купе.

– Ну и шуточки у вас. Где деньги?

– Какие деньги? – Оба, обалдев, смотрели на меня, ничего не понимая. – Ты же нашла сумку?

– Сумку я нашла, а вот кошелек исчез!

– Да ты что?! – охнул Николаша, пытаясь забрать у меня сумку для проверки и последующего опровержения такого нелепого обвинения.

– Ничего! А ну показывайте ваши сумки, пока я милицию не вызвала.

Ребята, поклявшись жизнями и всем, чем можно, выволокли свои баулы на свет божий. Пришлось их обыскать на всякий случай. Но я уже знала, что это бесполезно. Моя интуиция говорила мне, что они тут ни при чем. Почти ни при чем, если не считать того, что содействовали вору.

Я выскочила из своего купе и бросилась в Жорино. Ага, держи карман шире, Таня! Ждали тебя тут!.. Ни Жорика, ни его жены в купе не было. Плакали твои денежки, госпожа Иванова!

Я вышла из купе и столкнулась нос к носу с Геной и Николашей.

Они, увидев мое лицо, поняли, что помогли нечестному человеку обокрасть честного.

– Ни фига себе! – глубокомысленно заявил Гена.

Оказалось, что все произошло следующим образом. Жорик, когда троица вернулась из ресторана, на минутку заскочил в свое купе – по его словам, посмотреть, спит ли его благоверная, не рвет ли на себе волосы ввиду долгого отсутствия мужа. Потом они мирно покурили все втроем.

Тут-то Жорик и предложил меня разыграть. Давайте, мол, подшутим над ней. Она же сама себе, мол, разорение нагадала. И предложил спрятать мою сумку.

На глазах у этих балбесов он ее и извлек. Очень даже просто.

Во-первых, спиртное сделало мой сон более крепким. А во-вторых, он попросту продемонстрировал ловкость рук.

В такт постукиванию колес и покачиванию вагона Жорик осторожно подsunул руку под подушку.

В итоге подушка вместе с моей головой оказалась у него на ладони. Потом он приподнял ее и извлек под восхищенное хихиканье пьяных придурков мою сумку.

– Класс, – восхитился Николаша.

– Будите ее и прикалывайтесь. Я пойду положу сумочку в мусорный ящик.

И что вы думаете, дорогой читатель? Поверили, святые души! И ну потешаться надо мной! Теперь-то вон разом протрезвели.

– Надо, наверное, в милицию заявить, – горестно произнес Николаша.

– Что случилось? – раздался с верхней полки голос Веры. Она только что проснулась. Оба «сообщника» обескураженно воззрились на нее.

– Жорик Таню обокрал.

В милицию я обращаться не стала. Представьте себе, дорогой читатель, как бы они там веселились, узнав, что гениального супердетектива из Тарасова Таньку Иванову обворовал попутчик-собутыльник.

Я только выпросила у проводницы, до какой станции ехали Жорик с женой, не встречала ли она их раньше. Уж очень эти люди, если судить по бесчисленным котомкам, были похожи на челноков.

Оказалось, что проводница подменяет заболевшую, и вообще она с другого поезда.

Она только сказала, что Жорик с женой должны были ехать до Тарасова. Но внезапно его жена сдала постели, и они вышли раньше. Другие пассажиры мирно спали и ничего не видели, не слышали. Одним словом, это была импровизация. Жорик соблазнился моим кошельком, когда тот выпал во время посадки. Уж больно приглянулся ему, видно, зеленый веер.

Я решила, что обойду все барахолки, переверну Тарасов вверх дном, но мерзавца откопаю.

Виновники-свидетели в одном лице скинулись мне на такси и долго извинялись.

Вера чихвостила Николашу на все лады, обзывая дураком и пьяницей.

Такая вот, дорогой читатель, предыстория. Вернувшись домой, я обнаружила в почтовом ящике конверт.

Глава 1

Я поднялась на свой этаж, вошла в квартиру и, оставив чемодан с покупками в прихожей, прошла в зал и села в кресло. Мне хотелось поскорее ознакомиться с содержимым конверта. Оно согрело мне душу. Бумага гласила, что мне необходимо прийти по такому-то адресу к адвокату Лапину А.А. по поводу завещания.

О-ля-ля. Похоже, у меня обнаружился богатый родственник, который позаботился о моем материальном положении.

Разумеется, я решила пойти. В данной ситуации такой поворот дела меня очень устраивал. Я даже позволила себе предположить, что умер какой-нибудь неизвестный мне до сих пор богатый канадский дядюшка. В порыве теплых родственных чувств он решил обеспечить мое будущее и оставил завещание на мое имя.

Ладно, разберемся. Я достала из сумочки свои магические косточки. Они всегда помогают мне разобраться в ситуации и подсказывают, как поступить.

Когда я веду какое-нибудь дело, всегда обращаюсь к ним за советом. Надо только сконцентрироваться, задать волнующий тебя вопрос, тщательно перемешать кости и бросить их. Выпадает комбинация из трех чисел. Ответ дают толкования, а их я знаю наизусть.

Этим я и занялась, прочитав полученную по почте бумагу.

– Что бы это значило, милые косточки?

Двенадцатигранники, цокнув о полировку, выпали в комбинации 14+25+4 – «Вот и неожиданные милости, которые вы получите от окружающих».

Настроение у меня заметно улучшилось. Даже желание отомстить за украденные доллары уже не так жгло душу. И ненависть к Жорику поутихла. Сама же виновата, черт возьми. Спасибо хоть остальное содержимое сумочки мне оставил, и то ладно.

– Вот спасибо, милые косточки. Порадовали меня. И, главное, очень вовремя.

Я приняла душ, переоделась и отправилась на кухню соорудить что-нибудь пожевать. Горячие сосиски и восхитительный кофе – и полное умиротворение в душе.

«А Жорика-бродягу я все равно найду! Он у меня землю есть будет», – окончательно утешила я себя и, ополоснув посуду, занялась макияжем.

С отдыхом после дороги я решила повременить. Сначала надо поехать к адвокату и «озолотиться».

* * *

Юридическая консультация, куда меня пригласили, находилась в Трубном районе города.

Я вывела машину из гаража и уже через сорок минут, совершенно обалдевшая, выслушивала условия моего «озолочения». У меня появился странный клиент. Таких у меня еще не было. Меня нанял... покойник!

Удивляетесь, дорогой читатель? Я тоже удивилась. Но обо всем по порядку.

Я вошла в эту контору и спросила Лапина А.А. Мне указали на дверь кабинета.

Я постучала и вошла. Адвокат, занимавшийся изучением каких-то бумаг, отложил их в сторону.

– Здравствуйте. Я Иванова. Получила по почте вот это, – и я показала ему конверт.

Хозяин кабинета указал мне на свободный стул:

– Присаживайтесь, пожалуйста, Татьяна Александровна.

Он открыл сейф и достал оттуда конверт, в котором находилось это самое завещание.

– Вы извините, пожалуйста, Татьяна Александровна, но вы не показали мне документы, удостоверяющие личность.

– Пардон. – Я извлекла из сумочки паспорт и протянула его адвокату, мысленно благодаря Жорика за джентльменское отношение ко мне – все-таки документы не тронул.

Он изучил мой паспорт и вернул мне его со словами:

– Спасибо, Татьяна Александровна, теперь все в порядке.

В моем присутствии он извлек из конверта бумагу и прочитал мне ее вслух.

Оказалось, что некий Губер Эрнст Натанович, проживающий (во время составления петиции он еще проживал) в селе Антоновка – это пригород Тарасова, – просит меня, Татьяну Иванову, провести расследование и установить причину его внезапной смерти, если такой факт будет иметь место. Я должна собрать все материалы и предъявить их официальным органам. В этом случае я получу три с половиной тысячи долларов с его счета.

Я, пребывая в крайнем изумлении, созерцала А.А.

Он протянул мне конверт. Я взяла его и заглянула внутрь. Там был еще один конверт с надписью «Вручить Ивановой Т.А., лично».

Вот такое своеобразное завещание, если его так можно назвать.

– Извините, вы не сказали мне, как вас зовут, – обратилась я к адвокату.

– Простите. Я – Алексей Андреевич. У вас какие-нибудь вопросы?

Вопросов к Алексею Андреевичу у меня была масса.

– Насколько я поняла, Алексей Андреевич, Эрнст Натанович умер внезапно?

– Можно сказать, да.

– Как это понять, «можно сказать»?

– А вы не читали вчерашний выпуск «Тарасовских вестей»?

– Нет. Меня не было в городе.

– Ах вот как. Тогда понятно. Да. Эрнст Натанович умер внезапно, но от лучевой болезни. Ваше право решать: заниматься вам этим делом или нет.

– А подскажите мне, пожалуйста, на чье имя он оставил завещание на имущество. Я так полагаю, что если на его счету хватает денег, чтобы оплатить мои услуги, то у него наверняка есть что оставить наследникам.

– Завещания он не оставил. Никого, кроме молодой жены, у него не было. Ну, родственники еще какие-то. Жена вступит в права наследования через полгода, как и полагается. Так что у вас есть время собрать доказательства, касающиеся причины смерти Губера. Все-таки деньги немалые, скажу я вам.

Хм. Деньги немалые. Да я с каждого дела столько или почти столько имею. И к тому же мне обычно платят аванс. А тут нате... из-под кровати! Но я ничего не произнесла вслух.

Я поднялась, поблагодарила Алексея Андреевича и, попрощавшись, удалилась.

Я отправилась домой, совершенно разочарованная. Тоже мне, милости от окружающих!

Я даже не изучила адресованное лично мне послание и, усевшись за руль своей «девятки», сразу тронулась в путь. Решила, что обдумаю все дома, в спокойной обстановке. Очень разочарована я была таким вот завещанием. Лихо меня, мечтательницу, на землю опустили. О дядюшке канадском размечталась! Ха-ха-ха. Как смешно.

* * *

Вернувшись домой, я снова расположилась в кресле и принялась за изучение содержимого конверта. В нем оказалось письмо Губера, фотографии и микроплёнки.

«Уважаемая Татьяна Александровна, если вы читаете это письмо, значит, меня уже нет в живых. Я написал его, подзревая, что когда-нибудь это может произойти.

Полагаю, она выбрала именно такой способ, чтобы было трудно докопаться до истины. Все будет квалифицировано как несчастный случай, и дело будет закрыто. Я имею основания полагать, что это сделала моя жена... Я попытался вам дозвониться... и т. д.».

Он описал ее похождения, назвал имя детектива, который следил за развлечениями ветреной особы, которая была на фотографиях.

Похоже, постоянностью Ирина Анатольевна не отличалась. На снимках мужчины рядом с ней то и дело менялись.

Перечитав еще раз письмо и налюбовавшись вдоволь развлечениями, которые были запечатлены неизвестным фотографом, я прослушала микропленки. Адюльтер, конечно, налицо. Но ничего такого, что убедило бы меня в намерениях Ирины Анатольевны убить своего мужа, я не обнаружила. Разве что фраза, которую она повторяла своим любовникам: «Я этого старого пенька когда-нибудь своими руками задушу. Хрен старый».

Это высказывание, разумеется, трудно принять всерьез. Подобное запросто произносят жены, обозлившиеся на своих мужей.

Я попыталась представить себе Губера. Он мне виделся этакой толстой развалюхой с одышкой. Наверное, вечно брюзжавший. Вон как высказался по поводу работавшего на него детектива, собравшего этот материал: «Балбес безмозглый». Правда, в мой адрес он отпустил кучу комплиментов и выразил надежду, что я исполню его последнюю, так сказать, волю. Вот в таком разрезе, дорогой читатель.

Я сложила все это на журнальный столик и блаженно потянулась.

Черт знает, братья ли за такое странное дело или же не братья. Аванса тут не видать как своих ушей. Это во-первых. Во-вторых, влезу в этот «ребус-кроссворд», а тут, может, стоящее дело подвернется. А, косточки? Вы как думаете? А ну давайте, поучайте, – и взяла мешочек с журнального столика.

16+26+9 – «Обдумайте некоторые обстоятельства, и они изменят вашу жизнь к лучшему. В работе, в поисках жизненного пути, в сердечных делах старайтесь доходить до главного, до сути».

Кости советуют обдумать предложение. Ну что ж. Выбор на данном этапе у меня не очень широкий. А безденежье – штука препротивная. Сразу начинаешь испытывать чувство ущербности.

– Будь что будет. – И я резко поднялась с кресла.

* * *

Для начала я решила разыскать ту самую газету, о которой говорил адвокат.

С этой целью я пустилась в путешествие по собственному подъезду. Газета отыскалась на третьем этаже у бабульки – божьего одуванчика.

– Только ненадолго, доченька. Тут же программа, – сказала она, протягивая мне газету.

– Не беспокойтесь. Я ее даже уносить не буду, прямо при вас одну статейку прочитаю и верну.

Некролог был напечатан на последней странице. Он гласил, что в ночь на девятнадцатое июня 1999 года после тяжелой непродолжительной болезни скончался Губер Эрнст Натанович. Эрнст Натанович – выходец из рабочей семьи, закончил то-то и то-то, до пенсии работал директором ЖБИ-1. И далее выражение соболезнований. Вынос тела двадцать первого июня в четырнадцать ноль-ноль.

То есть сегодня. Я вернула газету и поблагодарила старушку:

– Спасибо, Татьяна Петровна. Вы меня очень выручили.

* * *

Я взглянула на часы. Если мигом собраться и умчаться без оглядки, то я могу успеть на похороны. И это было бы совсем неплохо. Хоть с клиентом своим познакомлюсь.

* * *

Я мчалась на очень приличной скорости. Удача мне все-таки улыбнулась. Я попала на зеленую улицу. Кто водит машину, тот знает, как это важно для экономии времени.

Антоновка, село средних размеров, находилась в двенадцати километрах от Тарасова. Особняк Губера возвышался на склоне холма в некотором отдалении от основного жилого массива. Участок, засаженный фруктовыми деревьями вокруг особняка, был отделен от остального мира чугунной оградой. Около особняка толкался народ, и я, оставив машину в переулке, затерялась в толпе.

Разумеется, лучшего места для получения информации трудно придумать.

Я подошла к двум женщинам, сидевшим на скамейке у входа, и встала за их спиной.

– Вроде, говорят, умер от облучения. Кто ее знает, – говорила дамочка в цветастом платье.

– Где его только угораздило?

– Так они с женой же по туристической путевке куда-то ездили, а там, говорят, были на экскурсии на атомной станции. Врать, конечно, не буду, но так люди болтают. Там, наверное, и облучился, – отвечала вторая. – Потому-то и болел в последнее время.

– А как же так могло получиться, что он облучился, а Ирина нет?

Мне эта мысль показалась интересной. Хотя всякое может быть.

– У людей деньги бешеные, вот сдуру и бесятся. Додумались, на какие экскурсии отправляться. Люди прямо совсем без ума, лишь бы выпендриться...

– А что же? Он сколько лет директором завода-то работал. Уж и так ясно, что не на зарплату особнячок отгрохал.

– Так оно ясное дело. Щас все воруют. Жизнь такая пошла. Это вот нам украсть нечего, а то, может, и мы бы воровали. Зарплату раз в полгода платят, и ту по частям! Знамо дело, по турпутевке-то не поедешь, – распиналась женщина в цветастом платье.

– И-и, Тоня. Бог с ними. Пусть ездят куда хотят. Вон он, – собеседница кивнула в сторону особняка, – отъездился уже. Бог все видит. Губер-то вон в гробу лежит, а мы живехонькие, хоть и без денег.

Я стояла, делая вид, что целиком занята своими мыслями, не пропуская на самом деле ни одного слова из их разговора.

Тут к ним подошла пожилая женщина в сером платочке и, кряхтя и охая, тоже опустилась на скамейку.

– Ноги гудят прямо. Ноют, сил моих нет. Дождик, что ли, будет, – сказала она.

– Да надо бы дождя, тетя Вер. Только не похоже что-то. На небе вон ни облачка.

Поболтав о погоде, о видах на будущий урожай, они снова вернулись к теме смерти Губера. Тетя Вера, понизив голос, сообщила своим собеседницам:

– Говорят, не жена ли его убила?

– Ну-у, ты скажешь, – возразила Тоня. – Он от лучевой болезни умер. Прямо в кресле в рабочем кабинете, за столом. Да и прибалывал он в последнее время частенько. Не знаешь, что ли? У него ведь в особняке свой кабинет есть, Нина говорила.

– Да сейчас что хошь сделают. Все подстроить можно, – заявила тетя Вера. – А она у него вон какая шлендра. То с одним, то с другим кавалером вожжается.

А вот это очень верно, подстроить можно абсолютно все, что угодно. Может, действительно так оно и есть. И Ирина Анатольевна таким необычным способом, не спеша (куда ей больно-то торопиться?) упаковала своего муженька в ящик.

– Что ж. Она молодая. Конечно, он ей неровня был, – заметила та, которую женщины звали Ниной.

– Деньги все делают. Из-за денег-то она и пошла за него. Из-за чего ж еще.

– А то! Конечно, из-за денег.

– Говорят, она и грозилась его убить. А он вроде ей и говорит: «Я, мол, так сделаю, что ты за мое здоровье молиться будешь».

Потом женщины перешли к обсуждению пожара, случившегося накануне дня смерти Губера.

– Подожгли, – заключила тетя Вера.

Оказывается, во владениях Губера сгорело единственное имевшееся деревянное строение, каким-то чудом уцелевшее до этого дня на участке. Все надворные постройки были кирпичными.

Я тихо отошла от сплетничавших женщин и направилась в тот самый закуток сада. Ничего интересного там я для себя не обнаружила, хотя останки деревянного строения убрать еще не успели.

Наконец, я решила, что настал момент «знакомиться» с клиентом, и вошла в дом.

Особняк, чего греха таить, действительно был роскошным.

А клиент – совсем не таким, каким я его себе представляла. Это был мужчина крепкого телосложения, но не более того. Толстой развалиной его нельзя было назвать. С фотографии в траурной рамке смотрел еще не старый респектабельный мужчина. Лицо волевое. В общем-то даже приятное.

Молодая вдова в траурном одеянии, сидя у изголовья гроба, теребила в руках платочек. Глаза ее были сухими.

Прибыли ребята из «Натрона» и стали потихоньку оттеснять присутствующих. Эта контора работает четко и отличается особой пунктуальностью. Часы показывали ровно четырнадцать.

В катафалк поместили многочисленные венки, в том числе и от работников ЖБИ-1, установили гроб, и процессия тронулась.

Я присутствовала на похоронах до самого конца, до момента, когда после поминального обеда посетители стали расходиться по домам. Некоторое представление о своем странном клиенте я теперь имела.

Беседовать с Ириной Анатольевной о ее муже я, разумеется, не стала. Не время. Я решила, что нужно за ней очень внимательно понаблюдать. Для этого, разумеется, нужна спецтехника. А ее я не прихватила.

* * *

Когда я села за руль, в бардачке затрещал сотовый. Я взяла телефон в руки. Звонила моя подруга – Ленка-француженка:

– Танюха, привет!

– Привет, – ответила я без особого энтузиазма по той причине, что разговор может оказаться слишком долгим. И беспокоил меня сейчас не только тариф оплаты за сотовую связь. Он, конечно, беспокоил. Но важнее было то, что время сейчас мне было дорого. Я хотела сегодня успеть очень многое.

– Ты куда это запропала, солнышко?

– В Москву ездила. Сегодня только вернулась.

– Только вернулась, и уже с семьёю собаками тебя не сыщешь. И это вместо того, чтобы отдохнуть с дороги. Как хоть съездила-то?

– Почти нормально. Давай я тебе лучше в другой раз об этом расскажу? Ладно?

– Хорошо. Я не буду тебя задерживать. Только скажу, что с двадцать первого июня твоя подруга в отпуске. Вывод сама сделаешь?

– Какой вывод?

– Ой, ну какая ты непонятливая. Это дело же требуется обмыть. Ты как думаешь?

А я думала, что, конечно же, самое время мне вот так все бросить и кинуться обмывать ее драгоценный отпуск. Чтобы попутно ознакомиться с переменными успехами ее шамановых и харитоновых. Ленка – учитель французского языка, человек, до безумия влюбленный в свою работу. Во время наших с ней не таких уж частых встреч я обычно выполняю роль терпеливого слушателя и, расставшись с ней, обнаруживаю свое моральное обогащение. Так, к примеру, я узнала, что такое педагогика сотрудничества, просветилась по поводу лексических единиц и морфологических фраз. Если бы не дружила с Ленкой, разве бы я узнала, что существует некая музыкально-педагогическая концепция Орфа? А уж про ее двоечников я, наверное, скоро мемуары смогу написать.

– Не знаю, Лена. Давай я перезвоню тебе сегодня-завтра, и мы договоримся. О'кей?

– Хорошо. Позвони мне вечером. Обещаешь?

– Если не забуду. На сто процентов не обещаю, но постараюсь. Пока, Леноч. У меня дела.

Я не стала ждать, когда она начнет меня расспрашивать, какие у меня дела. С ней можно говорить до бесконечности, а мне действительно надо действовать. Я отключила телефон. Потом, подумав, набрала номер своей подруги, работающей на телефонной станции, и спросила у нее номер телефона Шимаева Романа Николаевича. Так звали частного детектива, который был связан с Губером.

Подружка меня в таких случаях всегда выручает, хотя было бы неплохо иметь телефонный справочник и в автомобиле.

Шимаев снял трубку почти сразу же:

– Слушаю вас. Говорите.

– Здравствуйте, Роман Николаевич.

– Здравствуйте. Кто говорит?

– Это Татьяна Иванова вас беспокоит. Вы меня скорее всего не знаете, Роман Николаевич. Но я бы очень хотела поговорить с вами. Это возможно?

– Хорошо. Приезжайте. Поговорим. – Он назвал свой адрес.

– Спасибо. Я приеду к вам ориентировочно через час.

– Договорились. – И детектив положил трубку.

Я завела движок и направилась в Тарасов. Время приближалось к вечеру.

Но поскольку в этот период года темнеет поздно, у меня еще было время.

Вот чертов Жорик, бродяга. Будь он неладен! Если бы не он, можно было бы классно побездельничать в ожидании стоящего дела. Съездила бы на пляж, обновила бы купальник, приобретенный в столице. С Ленкой бы отпуск отметила. А может, и романчик закрутила бы с каким-нибудь приятным мэном. А теперь все к черту. Придется работать как проклятой, и прибыль весьма туманна. Две тысячи не считаются, они как бы возместят материальный ущерб.

* * *

С такими вот невеселыми мыслями я и подъехала к развалюхе в Трубном районе, где располагалось жилище Шимаева.

Обиталище его состояло из двух довольно убогих комнат в двухэтажном бараке на Курской. Одна из этих комнат по совместительству служила офисом Романа Николаевича.

Сам хозяин, как я потом выяснила, выставив телефон на подоконник открытого окна, восседал у подъезда на лавочке в окружении старушек и пары типчиков сомнительного вида и поплевывал семечки. Асфальт вокруг лавочки был щедро завален шелухой. Мне нравится. Клевая работа у Романа Николаевича.

На свой вопрос, в какой квартире проживает Шимаев, я услышала дружное восклицание:
– Рома, это к тебе!

Он поднялся, стряхнул с одежды мусор и, вытерев губы тыльной стороной ладони, сделал приглашающий жест:

– Ну, проходите, мадам.

– Мадемуазель, – поправила я его.

– Это неважно. Не говорить же «гражданочка», а к слову «госпожа» я все никак не могу привыкнуть. Так что извиняйте.

Он открыл дверь и впустил меня в прихожую. Воздух в квартире, несмотря на открытое окно, был спертым. Похоже, Роман Николаевич – заядлый курильщик. А потом, эти старые здания то ли от времени, то ли из-за материала, из которого они построены, почему-то ужасно любят сохранять неприятные запахи. Разумеется, это мое личное мнение. Я его никому не навязываю. Он бросил ключи на стол, стоявший у окна, и, указав мне на стул у стены, уселся сам.

– Так какое дело вас ко мне привело?

– Меня интересует информация, которую вы имеете относительно Губер Ирины Анатольевны. А также я бы хотела знать, когда вы начали собирать ее.

Шимаев сразу взял быка за рога:

– Вы хотите купить у меня эту информацию?

– Можно и так сказать. – Я немножко растерялась. Впервые за все время работы у меня сложилась такая ситуация, когда я и рада заплатить, да нечем. Но, как говорится, наглость второе счастье. Я взяла себя в руки и этак небрежно заявила:

– В принципе весь материал, который вы собирали, у меня есть. – И я, порывшись в сумочке, извлекла и продемонстрировала ему фотографии и микропленки. – Если только что-то свеженькое...

– Есть и свеженькое. А зачем вам это, если не секрет?

– Ну вы вот зачем, к примеру, этот материал собирали? – ответила я вопросом на вопрос.

– По желанию клиента, разумеется. Этому хрычу все время казалось, что жена его убить собирается.

– А как вы думаете, могла бы она его действительно убить?

– Этого я не знаю. И вообще, вы много спрашиваете, а сами ни слова не сказали. И к тому же вопрос с оплатой еще не решен.

Я извлекла из сумочки две пятидолларовые купюры:

– Больше у меня нет.

Шимаев, как Коробочка, опасаясь продешевить, сказал, что ему этого мало.

Я пожала плечами и убрала деньги:

– Как хотите. Только «сокровища», которыми вы обладаете, никому больше не нужны, кроме меня. Так что думайте сами.

Я поднялась и направилась к двери.

– Ну ты хоть еще десятку накинь, дамочка, – остановил меня детектив.

Я повернулась к нему:

– Могу только пятерочку добавить. Меня обчистили, братишка. Честное слово, не вру, – я изобразила грустную улыбку.

– Ладно, садись, дамочка, не мельтеши. Мне эта информация действительно уже не пригодится. Клиент копыта откинул. А я ему как раз очередного любовника надыбал. – Шимаев открыл ящик стола и, достав оттуда фотографии, протянул мне.

На снимках Ирина Анатольевна была запечатлена со смазливим молодым типчиком. Бывают такие лица, которые, будучи вроде бы недурными, в то же время производят не слишком приятное впечатление. Типчик относился именно к такой разновидности людей. Вроде бы все при нем: волнистые светлые волосы, правильные черты лица. А он мне почему-то активно не понравился. Ну, это, конечно же, чисто субъективное мнение.

– Это вот последняя ее пассия, – сообщил Шимаев. – Их я мужу не успел передать. Зря только бумагу потратил. Напечатал, а он уже готов.

– И все-таки, Роман Николаевич, как считаете, могла бы Ирина Анатольевна убить своего мужа? Вы же как-никак наблюдали за ней.

– Если хотите знать мое мнение, то я вот что скажу. Надоел он ей, конечно, до смерти. Любви там никакой не было и в помине. Поэтому могла бы. Но на самом деле подобных планов у нее нет и быть не может. Просто ее муж был, скорее всего, параноиком. Или же впал в старческий маразм. Я предоставляю ему материалы, а они его не удовлетворяют только потому, что нет доказательств черных намерений его супруги. Вот такой это был фрукт, царствие ему небесное.

– А кто этот типчик на фото?

– Этого я еще выяснить не успел, а теперь и необходимость пропала. Пятнадцать долларов за эти фотографии получил – и то хорошо. А все же почему вы так этим интересуетесь и кто вы такая?

Я поднялась и улыбнулась ему:

– Просто я ваша коллега, частный детектив Иванова.

– Татьяна Александровна?

Я кивнула.

– Наслышан, наслышан. – Мне показалось, что в его голосе прозвучала нотка зависти. Белой или черной – мне до лампочки. Не имеет значения.

Роман Николаевич проводил меня до машины и галантно поцеловал мне ручку.

– Рад был с вами познакомиться, Татьяна Александровна. Очень приятно. В наших кругах о вас идет хорошая молва.

Мне, дорогой читатель, его слова, разумеется, пришлись по вкусу. Мелочь, а душу греет. Я села в автомобиль и, сделав дяде ручкой, обворожительно улыбнулась.

– Мне тоже было приятно познакомиться, – сообщила я. – Всего вам доброго. – И я отчалила.

* * *

Мне бы, конечно, очень хотелось знать, что известно милиции о смерти господина Губера. Но, взглянув на часы, я поняла, что ехать в отделение УВД уже поздно.

«Ладно, – решила я, – созвонюсь с Кирей и договорюсь на завтра».

Киря – мой однокурсник. Мы вместе учились в юридическом. Теперь он – майор УВД, а меня иногда в шутку величает отступницей.

Вообще-то, Кирсанов Владимир Сергеевич – человек хороший и часто оказывает мне содействие. Все-таки полномочия частного детектива весьма ограничены. Мне, к примеру, порой требуются результаты дактилоскопической экспертизы. К кому мне обращаться в подобных случаях? Конечно, к Кире. И он ни разу мне еще не отказывал в помощи. А благодарность мою принимает разве что в виде жидкой валюты. Но на сей раз ему, вероятно, и это не светит. Иначе я не дотяну до дня получения завещанных мне денег.

Тем более что лозунг застойных времен «Экономика должна быть экономной» совсем не для меня. Зарабатывая приличные деньги – двести долларов в сутки плюс текущие расходы, – я привыкла транжирить. Живу на широкую ногу. А Жорик, змей подколотный, взял и проучил меня.

* * *

Приехав домой, я сразу же нырнула под душ. А потом сварила кофе и уселась с чашечкой в кресло. Потом вспомнила, что, вернувшись с вокзала, я даже не удосужилась проверить автоответчик. Так мне захотелось денег канадского дядюшки. Я включила автоответчик и с наслаждением отхлебнула кофе.

За время моего отсутствия звонили два человека. Одним из них была Ленка. Подруга сделала несколько звонков и каждый раз возмущалась по поводу моего исчезновения и просила перезвонить. Я сразу вспомнила, что обещала ей сделать это сегодня. Ничего, не помрет. Подождет немного. Вторым человеком был еще живой тогда Губер. Он также убедительно просил меня перезвонить. Говорил, что у него ко мне дело.

Я даже как-то приуныла. Видимо, прав Шимаев. Эрнст Натанович был параноиком. У старикашки, наверное, был сдвиг по фазе, и он просто опасался за собственную персону.

Я решила проконсультироваться по этому вопросу у своих магических косточек. И, оставив пустую чашку, взяла в руки заветный мешочек.

Смешно, конечно, но мой вопрос именно так и звучал: «Не сбрендил ли старикашка?»

Но косточки, поосторожничай, глубокомысленно заявили:

4+20+25 – «В принципе нет ничего невозможного для человека с интеллектом».

Вот так. Двенадцатигранники воздержались. Наверное, все-таки не сбрендил.

* * *

Притащив с кухни пепельницу и сигареты, я щелкнула зажигалкой и вдумчиво затянулась. Высказывания костей я очень хорошо научилась понимать. На сей раз кости советовали мне активно пошевелить мозгами. В наличии у меня интеллекта я нисколько не сомневалась.

– Ладно, косточки, придется с вами согласиться. Ничего не поделаешь. Только позвоню подруге и сразу за дела.

Ленка была дома и занималась, по ее словам, прекрасным ничегонеделаньем.

– Я, Танюша, пока наслаждаюсь свободой. Так как насчет моего предложения? Может, в кафешку зарулим?

Я рассказала ей про свое теперешнее нищенское существование, но это ее ни капельки не смутило:

– Так отпуск мой, значит, я и угощаю! А вообще-то, конечно, мерзкая история. Тебе, наверное, такое трудно пережить. Безденежье, я имею в виду.

– Это уж точно. Как ты догадалась?

– А я умненькая девочка, – рассмеялась Ленка. – Давай, одевайся. Назначаем встречу на нейтральной территории и идем в кафе. Жду тебя через полчаса на углу Вольской и Московской. – Подруга положила трубку, отрезав мне пути к отступлению.

Черт возьми. А мне еще Кире дозвониться надо. И я принялась накручивать номер телефона. Судьба мне улыбнулась. Я услышала голос друга.

– Привет, – бодро сказала я.

– Танечка, здравствуй, родная. Как поживаешь?

– Более или менее, – уклончиво ответила я.

– Что-то тебя гложет, мне кажется. Я угадал?

– Ты же умный мальчик. – И я вкратце изложила ему суть вопроса.

– И рад бы помочь тебе, Танюша, но не знаю пока, как это сделать. Ты же сама сказала, что проживал он в Антоновке, а это Тарасовский район. Там у меня нет знакомых. Попробовать, конечно, можно, но ничего не гарантирую.

Вот так. А я так привыкла действовать по накатанной. Появляется у меня какое-нибудь дело – я сразу к Кире с «жидкой валютой». Изучу дело – и работать легче. А тут крутой облом. Что-то судьба ко мне благоволить перестала. Я взглянула на часы. Через пятнадцать минут Ленка будет меня ждать.

Ладно. Забуду на время о делах и просто пообщаюсь с подругой.

* * *

Ленка, в красном сарафане из гофрированной ткани, прохаживалась туда-сюда в назначенном месте.

– Наконец-то! Я уж думала, что ты не явишься.

Мы с ней чмокнули друг друга в щеки.

– Поздравляю, счастливая ты моя. Завидую белой завистью.

– Тебе ли, Таня, завидовать, – рассмеялась подружка. – Ты сама себе хозяйка: хочешь – работаешь, не хочешь – отдыхаешь.

– Да-а, – скорбно протянула я. – Были, помнится, такие времена. А теперь и не хочу, а вот работаю. И еще не знаю, каковы будут плоды моего труда.

– Обойдется, – беззаботно заявила подружка и шагнула на ступеньку лестницы, ведущей вниз.

Глава 2

Мы с Леной поужинали и теперь потягивали коктейли, уже успев обменяться последними новостями.

– Может, он действительно схватил приличную дозу облучения на этой самой станции?

– Конечно, может. – Я задумчиво отхлебнула коктейль. – Только вот с женой его ничего же не случилось.

– А вдруг он там куда не надо нос свой сунул, и привет семье.

– Возможно.

Ленка оживилась:

– Он же бывший начальник. А это особый сорт людей. Они же думают, что им все можно и все останется безнаказанным. А радиация, она не разбирает, кто есть кто. И ни цветом, ни запахом не обладает. Зато бьет наверняка.

– Это точно. Задал он мне задачку, сам того не ведая. Я бы ни за что не взялась, если бы не Жорик. Завтра с утра все барахолки прочешу.

– Забудь лучше об этом, Тань. Ты только себя изводишь. Его кошелки, что ли, тебя на эту мысль натолкнули? Так любой тарасовец с такими кошелками возвращается. А потом, Тань, ну сама подумай, разве челнок будет так рисоваться? Они же все друг друга знают. И проводники их знают. Разве не так?

– Так, Шерлок Холмс ты мой. Но всякое может быть. Может, он обычно с другим поездом ездит. Не знаю. Но почему-то интуиция мне подсказывает, что он челнок. Просто этот тип не устоял. Только и всего.

– А откуда такой профессионализм? Можно сказать, почерк.

– Та-ак. С кем поведешься, от того и наберешься. Может, тебе тоже лицензию частного детектива взять, а? – Я рассмеялась.

– Я подумаю, – Ленка улыбалась. – Вообще-то я подыскиваю себе работу на лето. Безденежье – вещь паршивая. Теперь сама знаешь. И я кое-что уже нашла.

– Да? – Я была удивлена прыткостью подруги. Не успела насладиться бездельем, а уже ищет работу.

– Ага. – И Ленку понесло по кочкам. Она извлекла из сумочки цветной буклет и с энтузиазмом начала излагать мне, как достичь совершенства, будучи агентом компании «Цептер».

Сначала я слушала весь этот бред вполуха. А потом мне пришла идея. И далее я внимала ее речам так, что лучшего слушателя найти невозможно.

– Вот так, Танюша. Чего без дела сидеть, правда?

– Угу. Ты не против, если я на денек арендую у тебя буклетик?

– А зачем тебе?

– Мысль одна пришла.

– Ну, забирай. Только завтра верни, пожалуйста. А то без этой книжонки я не смогу приступить к работе.

– Хорошо. Завтра вечером я тебе ее завезу. Ты дома будешь?

– Дома. Ко мне завтра подруга придет. Кстати, она как раз на ЖБИ-1 работает, если тебе это интересно.

– Мне все интересно. Я даже не знаю, что больше.

– Эх, Тань, – Ленка порылась в сумочке и извлекла эмблему с надписью «Компания „Zepter“», – а это тебе не надо?

– Надо, конечно.

* * *

А потом коктейли кончились, разговор иссяк, и мы расстались с Ленкой до следующего вечера.

Домой я вернулась не слишком поздно. Мне ужасно хотелось спать. Но я тем не менее решила продумать план оперативно-разыскных мероприятий.

Я закурила и уселась в кресло, размышляя над сложившейся ситуацией.

То, что я понаблюдаю за Ириной Анатольевной, я уже решила. Но этого мало. Эх, елки-молотки, взглянуть бы на дело. Но, пораскинув мозгами, я пришла к выводу, что смогу обойтись и без этого. Ехать за семь верст киселя хлебать не хотелось. К тому же еще не факт, что дело заведено. Ведь смерть Губера выглядела достаточно естественной. А у наших доблестных стражей правопорядка обычно столько работы, что им некогда заниматься каким-то облученным старикашкой. А уж районным сыщикам тем более. Они вполне могли спустить это дело на тормозах. А если и не спустили, то пока раскачаются... Да я еще и сама не уверена, что произошло убийство. Ведь действительно он мог облучиться на этой самой станции. Приятно отдохнул, называется. Я могу поступить проще. Правы мои косточки, что нет ничего невозможного для человека с интеллектом.

И, удовлетворенная своей гениальностью, я улеглась спать. Может быть, сам Ниро Вульф восхитился бы моей сообразительностью.

* * *

Утром я встала пораньше. Мне надо было попасть в здание судебно-медицинской экспертизы до появления там нежелательной для меня публики.

Поскольку средств на деликатесы у меня не было, я решила, что на завтрак вполне обойдусь кофе и тостами.

И в семь утра я была уже в нужном мне месте. Именно там я надеялась получить некоторые интересующие меня сведения. Если судьба мне улыбнется, то дежурит один мой знакомый старикашка – я с ним познакомилась, когда вела дело о похищении девочки из музучилища. В этом случае я запросто выпрошу у него все, что меня интересует. В порядке поощрения я прихватила по пути семисотграммовую бутылку вина. Паршивого, конечно. Но старикашка употребляет именно такие напитки. На вкус и цвет, как говорится, товарищей нет.

Если же дежурит кто-то другой, то я что-нибудь придумаю по ходу дела. Мне не привыкать. Я же не только гениальный детектив, но и талантливая актриса.

Поправив волосы, осмотрев себя родную с ног до груди – выше без зеркала не получается, – я уверенно нажала на кнопку звонка.

Дверь открылась. Передо мной предстало юное существо в белом халате. Почти мальчик, на мой взгляд. Зевая и приглаживая взлохмаченную шевелюру, существо равнодушно взглянуло на меня:

– Что вы хотели, девушка?

Я, улыбаясь, шагнула в дверь:

– Мне Петровича повидать надо.

Логика была проста. Если дежурит Петрович, то вряд ли юнец меня остановит. Он не остановил, а лишь пробормотал:

– А-а, – и закрыл за мной дверь.

Если вы, дорогой читатель, скажете, зачем эти лишние выкрутасы, то попробуйте сами пройти в судмедэкспертизу без специального пропуска, а я посмотрю, как у вас это получится.

Старикашка бродил по покойничкой с недопитой бутылкой «Анапы», разумеется, уже под хорошей мухой, и «мило беседовал» со своими клиентами. Петрович что-то бормотал себе под нос, остановившись около одного из столов:

– Какая лихоманка тебя туда понесла? Все спешат. Все торопят. А оно вон как оборачивается.

Собеседник его, разумеется, молчал. Тут все молчат. Сколько хочешь можно упражняться в красноречии, и никто не возразит.

– Петрович, – тихонько, чтобы не напугать старика, позвала я. – Здравствуйте.

Он на мгновенье замер от неожиданности, потом медленно повернул голову:

– Здорово, коль не шутишь. А ты кто такая? Чего в такую рань пожаловала? – И он отхлебнул толику милого сердцу напитка.

– У меня к вам есть одно дело. Давайте пройдем в ординаторскую.

Как вы понимаете, дорогой читатель, беседовать в этом помещении мне ни капельки не хотелось. Я и так уже с трудом сдерживалась – тосты запросились наружу.

Старик, все еще бормоча, направился к двери:

– Ни свет ни заря. И покою никакого. От жисть пошла. Чего ж тебе надо-то, красавица? Я те вроде как и не припомню.

Мы вошли с ним в ординаторскую, и Петрович указал мне на стул, стоявший около стола:

– Садись вот тут, – и снова хлебнул.

Я села и сразу выставила принесенную бутылку, дабы настроить старика на хорошую волну:

– Это вам.

Дедок и удивился, и обрадовался одновременно:

– М-м! Чего это вдруг?

Я не стала долго ходить вокруг да около:

– А это плата за информацию.

– Какую? – старик сразу насторожился.

Я засмеялась:

– Что так напугались? Государственной тайны от вас все равно не узнать. Верно?

– Да мало ли. Я ж тебя не знаю.

– Знаете. Просто вы забыли. Мы с вами уже однажды беседовали.

И я назвалась журналисткой, пишушей статью о Губере, директоре, умершем от лучевой болезни.

Ведь частных детективов не больно жалуют.

– Мне вот почему-то кажется, что его смерть подстроена. Как вы думаете?

При этом я польстила старику на всю катушку, наговорила массу комплиментов, которых он, естественно, и не заслуживал.

Петрович расплылся в улыбке и, изучая заветную емкость, многозначительно произнес:

– Я вот тоже так подумал. Михалыч говорил, что у него в желудке снотворное обнаружено. Не смертельная, правда, доза. Но было дело. Вопрос возникает. Какой, как думаешь? – старик многозначительно поднял вверх узловатый указательный палец.

– И какой же?

– Чего это он, выпив таблетки, спать не пошел? О! Зачем он пил их тогда?

– Действительно.

Я знала, что старик любил благодарного слушателя, и не мешала ему. Я уже убедилась, что те сведения, что он может мне выложить, обязательно пригодятся. Старик в общем-то неглупый. И, повидав на своем веку всякого, умеет делать правильные выводы.

Петрович достал из кармана смятую пачку «Астры», извлек из нее замусоленный «бычок» и, галантно поинтересовавшись, не возражаю ли я, закурил.

Я не возражала. С удовольствием и сама бы смольнула, но, боясь, что дедок переключится на тему порочности теперешней молодежи, не стала закуривать.

Он затянулся пару раз, проглотил остатки своего «коктейля» и продолжил разговор:

– Вот я и говорю: не болел тебе мужик, не горел. Никаких таких признаков лучевой болезни раньше у него не было, и тут на тебе – помер в одночасье. Как первый ликвидатор чернобыльской аварии. – Старик затушил «бычок», взял бутылку, принесенную мной, и начал над ней колдовать, пытаясь применить имеющиеся подручные средства для того, чтобы ее откупорить.

– Щас я, – он вышел на минутку и вернулся со складным ножом, где имелся штопор.

– Он по турпутевке куда-то ездил, а там у них какая-то экскурсия на атомную станцию была, – возразила я, наблюдая за его действиями. Дедуська наконец-то справился с поставленной задачей и опять причастился.

– По путевке-то он ездил, знамо дело. Токмо Михалыч (это потрошитель наш) сказал, что так облучиться – это только если около ядерного реактора заснуть мертвецким сном. А ты говоришь – турпутевка. Так-то вот, – старикашка прищелкнул языком, – у этого мужика все в полном комплекте – и лейкоцитарные провалы, и увеличения селезенки, и изменения в костном мозге.

Время приближалось к восьми, я решила, что пора двигать дальше. И, поблагодарив Петровича за милую беседу, вышла из здания. Студент закрыл за мной дверь.

Я села в автомобиль и закурила, обдумывая сказанное старикашкой.

Вполне возможно, что смерть Губера подстроена. Обыск его кабинета с целью обнаружить радиоактивные вещества – дело бесполезное.

Если Ирина действительно убила своего мужа таким способом, то, разумеется, она не будет держать ничего подобного дома. Не такая она дура, чтобы себя гробить. Интересно, есть ли в доме Губера домработница?

Докурив сигарету, я достала из бардачка сотовый и позвонила Кире на работу. У меня появились кое-какие новые идеи. Трубку в его кабинете никто не взял.

Оказалось, что он еще дома, но ужасно торопится.

– Если надо чего, подгребай в отделение. Я сейчас туда – на всех парусах.

Опаздывает, бедняга.

* * *

Когда я подъехала к отделению УВД, майор был уже на месте и пил свой утренний чай.

– Салют опоздавшим на работу, – поприветствовала его я.

– Здравствуй, здравствуй, Танечка. Только разве тебе не известно, что начальство не опаздывает, а задерживается? Садись. Присоединяйся. – Он достал из ящика стола еще один стакан и налил мне крепкого ароматного чая. – На, пей. На работе всегда самый вкусный чай.

Я отхлебнула из стакана и сказала:

– Сколько зубы ни заговаривай, а тебе все равно от меня не отвертеться. Но чай действительно вкусный.

– Ты все еще ищешь подходы к УВД Тарасовского района? – спросил Киря.

– Да нет. Я, пожалуй, откажусь от этой мысли. Сама справлюсь. Ты вот подскажи мне лучше, нет ли у тебя в МЧС знакомых?

Киря даже про чай забыл:

– Та-ак. Это куда же нас теперь понесло, скажи на милость?

– Дело подвернулось непильное, но радиоактивное. Так вот, мне счетчик Гейгера понадобился, а я в свое время не предусмотрела. Не думала, не гадала, что данный прибор мне когда-нибудь пригодится. Учту на будущее.

– Час от часу не легче. Ты никогда, наверное, не перестанешь меня удивлять. Это где же ты, сердешная, такое дело откопала?

Теперь Киря вспомнил про свой стакан и принялся отхлебывать чай мелкими глотками, с улыбкой поглядывая на меня.

– По-моему, ты слушать совсем разучился или уши плохо мыл. Я уже говорила, что в Антоновке.

Кирсанов засмеялся:

– Да я не об этом. Про Антоновку, конечно, помню. Я про то, что уж не на Гринпис ли ты работаешь?

– Киря, друг любезный. Все бы я тебе рассказала, но пока и сама ничего толком не знаю. Пока что мне нужен на время счетчик Гейгера. Помоги, если можешь.

Киря поставил свой стакан и, почесав затылок, произнес:

– Дай подумаю. Вообще-то, ладно. Сейчас мы это дело обтяпаем. Есть у меня один знакомый. Гринписовец. Так, вроде ничего парень. Он там один из главных борцов. У него своя программа по сохранению окружающей среды. Так он без этого счетчика даже спать не ложится. А уж на базар без этой штуки точно не пойдет. Все боится на чернобыльские яблоки напороться. Сейчас я ему позвоню. Договорюсь. Но только больше чем часа на три он не даст. Это не в его силах. Иначе с горя помрет. Сейчас. – Киря набрал номер:

– А-ле, Левушка? Привет! Как жизнь молодая?

...

– Да. Дело у меня к тебе есть. Счетчик твой понадобился. Одолжишь ненадолго?

...

– Знакомой одной. Так как?

...

– Понятно. Ну, давай. Пока. Да. Понятно.

Киря положил трубку и обратился ко мне:

– Все, дуй. Он тебя ждет.

И Кирсанов объяснил мне, где находится офис гринписовского борца.

* * *

Офис Левушки Шернера я искала долго, несмотря на то, что прекрасно знаю свой любимый Тарасов. Прочесала его прямо-таки вдоль и поперек.

Все дело в том, что я раз пять прошла мимо него.

Я четко следовала объяснениям Кири: миновала Центральный рынок, въехала через арку дома-корабля во двор и, оставив автомобиль, стала крутиться в поисках пресловутого офиса. Наконец, отчаявшись, я решила постучать в окно веранды, если так можно назвать деревянную развалюху, и спросить у ее жильцов про офис.

Когда же я приблизилась к этому шедевру архитектурного искусства, то увидела выцветшую, заляпанную грязью табличку с надписью: «Центр экологического содействия».

Я поднялась по хлипкой лесенке из трех ходивших ходуном ступенек и, постучав, вошла.

Худосочный чернявый парень лет двадцати пяти в очках с толстыми линзами сидел за компьютером.

Ему, конечно, было не до меня. Как я потом уже узнала от самого Левушки, он зарабатывал себе на жизнь тем, что, во-первых, «лепил» экологические программы и получал за них от зарубежных спонсоров гранды. А во-вторых, тем, что арендовал сам у себя эту веранду под офис, а на аренду тоже выделялись гранды. Бывает же такое. И это у экологов называется некоммерческой организацией. А на мой взгляд – просто фирма «Рога и копыта».

Одним словом, парень – «Великий комбинатор».

– Тук-тук, – тихонько проговорила я, – к вам можно?

Тот кивнул, продолжая пялиться на экран.

– Здравствуйте.

Он снова кивнул и указал мне на стул рядом с собой, все еще не поворачивая головы.

«Теплые чувства» к Левушке, появившиеся внезапно, искали выхода. Мне очень хотелось культурно объяснить ему, как надо разговаривать с женщиной. Пружинка внутри меня начала закручиваться. Но Левушка вдруг повернулся ко мне и спросил:

– Вы за счетчиком Гейгера, наверное?

Я молча кивнула, пытаясь скрыть свое раздражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.